

В ЛАГЕРЯХ НА ВОЛГЕ

Была такая в МГИМО традиция. После 2-го курса всех студентов мужеская пола ждали месячные сборы, в просторечье – «лагеря», где зеленой молодежи предстояло получить хоть какое-то представление о военной службе, и главное – принять присягу. По этой же благословенной свыше традиции на выходе из вуза молодой, а иногда и не очень молодой, работник дипломатического, внешнеторгового фронта, а также всяких иных фронтов, получал дополнительную специальность – военный переводчик. Как потом оказалось, многим пригодилась.

Поэтому в конце июня 1976 года военная кафедра уверенно взяла в оборот шумную и разноликую студенческую массу, чтобы провести ее через перипетии воинской службы и дать «понюхать пороху», не по-настоящему, конечно, но так, для общего представления и понимания. Добирались мы в места нашей короткой, но ответственной службы электричкой с Ленинградского вокзала. Оказалось, что детали имеют значение. Почему-то очень запомнился несколько измененный по ситуации фрагмент знаменитого марша «Прощание славянки». Вместо классического известного всем текста:

*Наступает минута прощания
Ты глядишь мне тревожно в глаза
И ловлю я родное дыхание
А вдали уж дымится гроза.*

Небольшая кучка ребят со стоявшими рядом и прижимающимися девушками пела так:

*Отгремела весенняя сессия
Нам в поход собираться пора
Что-то девушки смотрят не весело
Провожая ребят в лагеря...*

И уже дальше шел неизменный в своей исторической монументальности возвышенно героический и переключивший не одно горло припев:

*Прощай, отчий край.
Ты нас вспоминай.
Прощай, милый взгляд
Не все из нас придут назад..*

Возбужденные неизвестностью и ожиданием какой-то новой жизни, погрузились в вагоны.¹ Прощай, Москва. Конечная станция – Калинин (ныне – Тверь). Как дальше – помню смутно, но вот Олег Резниченко утверждает, что вроде как плыли на парходиках по Волге, вверх по течению, и даже не очень долго. Военные сборы проводились недалеко от Москвы, в Тверской области на базе какой-то, не помню какой, назовем ее «Н-ской» военной части. Место было прекрасное, в лесочке, на правом берегу Волги.²

Лагерь представлял собой примерно следующую картину: вдоль грунтовых, присыпанных свежим песком дорожек, были расставлены брезентовые палатки на 10 человек, то есть по армейским понятиям, на отделение, низовое воинское подразделение.

Рядом находился такой же лагерь, где давали понюхать пороху студентам института стали и сплавов. «Железных парней», правда, отправляли на военные сборы не после второго, как нас, а после четвертого курса. Мне лично пообщаться с ними не удалось, но те, кто так или иначе пересекался, говорили, что вполне доступные, земные ребята, без всякого гонора и высокомерия, которое иногда, чего уж скрывать, было присуще студентам нашего славного вуза.

Еще надо отметить, что в лагерях произошло смешивание мужской половины факультетов МЭО и МО. До этого курсы существовали автономной жизнью, по собственному расписанию. Если МО с первого по пятый курс проучился в основном здании у Крымского моста, то наш курс регулярно менял дислокацию. Начинали мы учиться в здании на Николощеповском. Затем, если не ошибаюсь, весь третий курс проучились в Калошином переулке, напротив театра Вахтангова (мне почему-то

---

¹ Не могу удержаться, чтобы не вставить маленький штрих в рассказ Сергея. Электричка до Твери (Калинина) идет три с лишним часа. Нам определили несколько вагонов для размещения. Народу в электричке было довольно много, поэтому некоторым пришлось стоять, маяться без дела. Ради развлечения стали бродить по электричке. Помнится такой эпизод: кто-то из ребят подался по другим вагонам, потом вернулся и на вопрос «что там?» ответил разочарованно: «Да-а-а, там не интересно, одни гражданские...». (Прим. редактора)

² Место, где мы были, называется пос. Дачный на расстоянии около 30 км от центра города. На самом деле никакого поселка там не было, а испокон веков располагались т.н. Путиловские военные лагеря, где проходили сборы студенты вузов. (Прим. редактора)

больше всего запомнился этот период) и, наконец, закончили в здании на Лобачевского, которое к 1979 было только-только построено.

Не знаю как другие, но я относился к нашей месячной «военной службе», мягко говоря, не очень серьезно. Воспринимал ее как некий неизбежный ритуал не нами, но для нас придуманный, изменить и повлиять на который мы не в силах. Поэтому самое правильное в подобной ситуации – отдалиться в руки «профессионалов» с военной кафедры, отключить когнитивные функции, превратиться на время в «пустой бамбук» и, поплеывая и покуривая, вертеть головой по сторонам, наблюдая «прелести» сокращенной и ужатой «воинской службы». А прелести были.

Прелесть первая

Карантин

Буквально на следующий день после нашего приезда и размещения, у одного из студентов в нашей палатке, который готовился стать, хоть на короткое время, бойцом, неожиданно поднялась температура, появилась сыпь и иные проявления того, что с человеком происходит что-то неладное, и он явно не здоров. Всем стало ясно, что начинающий боец неожиданно для всех, в том числе и для самого себя, заболел. Но чем он заболел, каковы причины поразившей его болезни и, наконец, сколько она продлится, не знал никто. То ли поблизости не оказалось врача, то ли врач был не уверен в себе и не захотел брать на себя ответственность за диагноз, только вместо того, чтобы забрать больного и лечить его, нам всем было велено оставаться в палатке, никуда не ходить, и по территории лагеря не передвигаться впредь до соответствующих начальствующих указаний. Покурить на воздухе, правда, разрешалось, как и (пардон-пардон) справить малую нужду, в ближайших кустиках, но чтобы свободно разгуливать по территории – ни-ни. Понятно было, что местное военное начальство было несколько напугано неопределенностью ситуации, усугубляемой специфичностью контингента, и, следуя проверенному бюрократическому принципу – «лучше перебдеть, чем недобдеть» – решило перестраховаться, обрубив все наши контакты с внешней средой. Настоятельно было рекомендовано сидеть в своей палатке, читать, лучше всего, конечно, устав, но, в оставшееся от читки устава время, милостиво разрешалось и что-нибудь другое,

художественную литературу, например. Томились мы в нашем замкнутом брезентовом пространстве несколько дней.

Известно, что немотивированное безделье разлагает. Так прямо и произошло. На второй день мы, обитатели подозрительной палатки, стали разлагаться. Все известные анекдоты, байки, шутки, прибаутки быстро исчерпались, и мы ломали голову, что бы придумать такого, что бы как-то «биоразнообразить» наш уныло-однообразный досуг. Забавы ради кто-то предложил положить посередине дорожки алюминиевую ложку, заначатую в столовой и, определив ее как центр распространения инфекции, пугать проходящих мимо бойцов, ефрейторов и младших офицеров.

Сказано – сделано. Через несколько минут ровно посередине песчаной дорожки в очерченном кругу лежала эта самая злополучная ложка, а рядом крупными буквами, чтобы было хорошо видно, на песке было написано «очаг заразы». Мы же, усевшись перед входом в палатку, с интересом принялись наблюдать. Первое время было достаточно весело. Вот ничего не подозревавший молодой боец мирно себе шествует по дорожке мимо выстроившихся палаток, но подойдя к нашей и увидев очерченную алюминиевая ложку и сопровождающее смелое заявление, вдруг на несколько секунд замирает, а затем резко отскакивает в сторону.

Далее картина была примерна такая же: шедший по дорожке по своим воинским делам офицер или временно военизированный и обличенный в гимнастерку студент МГИМО, увидев данный предмет и прочитав соответствующую надпись, шарахались в сторону, иногда сопровождая эти движения хорошо известными нелитературными оборотами. Иногда, не дойдя до палатки метров двадцать и застыв у незримой линии, нам кричали сокурсники: «Что там у вас?». «Непонятно что, еще не установлено» – кричали мы в ответ. «Болезнь какая-то, возможно, заразная, мы – на карантине»... На этом диалог прерывался, коллеги разворачивались, и мы вновь оставались вариться в собственном соку.

Конечно, поначалу мы весело комментировали происходящее. Но эта забава недолго оставалась забавой. Достаточно быстро слух о «чумовой» палатке распространился среди контингента, о нашей «беде» узнали все обитатели палаточного городка и оперативно протоптали обходные пути и дорожки... Никто уже и не пытался приблизиться к нам. Оставалось томиться наедине со своими мыслями в узком «заразном» кругу.

В конечном счете, все закончилось счастливо. Да по-другому и быть не могло. Установлено было, что болезнь, внезапно возникшая у начинающего бойца, оказалась абсолютно незаразной, самого бойца, это был «дипломат» с МО, благополучно отправили домой поправляться и выздоравливать³, «карантин» с нас сняли, и мы к радости отцов-командиров и всяких иных начальников снова влились в ряды «салаг», готовящихся принять присягу.

Прелесть вторая

«Запевай»

Наверное, каждый в нашей стране знает, что если солдаты идут строем, они не могут идти молча. Они должны петь. Это поднимает настроение, способствует укреплению коллективного духа и не дает «салагам» говорить и думать о чем-то другом, о чем им положено думать и положено не кем иным, как офицерским начальством. И наша рота, маршируя на плацу в рамках подготовки к ответственному сбору по принятию присяги, тоже должна была петь. Но вот какую песню выбрать? Надо чтобы она оказалась и серьезной, и патриотической, и доступной для исполнения. На заданный всем вопрос: «Какие есть предложения», не зная почему, черт меня, видимо дернул, я вдруг заявил: «Песня про 28 панфиловцев». Единственное, что могу сказать в свое оправдание: еще в школе ставили спектакль на заданную тему и слова этой песни я знал, причем все, или почти все. «Отлично» – сказали отцы-командиры, не знаю, правда, что они при этом подумали... «Молодец, Громыкин!.. Слова знаешь?»... «Знаю» – честно ответил я. «Вот и будешь запевай...». Робкие попытки возразить, апеллируя к тому, что у меня нет голоса, его правда – нет (жена до сих пор в компаниях настрого запрещает мне открывать рот, чтобы не испугать и не разогнать поющих) ни к чему не привели. Я стал запевай.

Действо это происходило примерно следующим образом. Буквально через минуту после начала движения строем (это время требовалось для того, чтобы все поймали такт и двигались «в ногу») Николай Петров, который, как человек уже служивший, имеющий соответствующий воинский опыт, руководивший нашим отделением в качестве сержанта,

---

³ Это именно тот случай, когда в лагерь приехала черная волга и забрала «болезного», а заодно и его здорового брата от греха подальше. (Прим. редактора)

резко командовал – «Запевай!». И я начинал: «Шумела в поле злая осень. На землю падала листва. Их было только двадцать восемь. А за спиной была Москва...». Орал я что есть мочи. Мне казалось меня недостаточно слышно в задних рядах и особенно хотелось достойно выглядеть в глазах командиров. Вскоре я стал наблюдать на лицах своих сокурсников тоску, когда приходилось перед маршировкой занимать места в строю. Те, кто стоял по бокам от меня, старались отворачивать головы, по лицам многих пробегал смешок. В свободное от занятий время, встречая и узнавая меня многие «бойцы» нашей роты вместо обычных слов – здравствуй, привет, – приветствовали меня фразой: «Шумела в поле злая осень...». Все мои просьбы к начальству заменить меня в качестве запевалы кем-то иным, более способным к этому делу, ни к чему не привели. Мой рев, видимо, доставлял им какое-то скрытое внутреннее наслаждение.

Если я, желая как-то оправдаться перед своими товарищами начинал петь тише, командиры кричали: «Не слышно. Громче давай!» Ну и что тут сделаешь. Приходилось наращивать децибелы.

Слава богу, испытание звуком длилось недолго. Как только мы в день присяги торжественно отмаршировали на плацу и я, надрывая собственные легкие и барабанные перепонки моих страдающих сослуживцев, относительно успешно оторал свои традиционные три рефрена, история «Запевай» благополучно закончилась, но мне она почему-то помнится до сих пор.

Прелесть третья

Бросок на тот берег

Жизнь в лагерях была достаточно однообразная: подъем, завтрак, ходьба строем на плацу, метание деревянной гранаты по надвигающемуся танку, обед, послеобеденный отдых, опять ходьба строем с наводящими ужас криками – «Запевай!»

Иногда давали пострелять из Калашникова. Сама стрельба и все то действие, которое проходило до и после, не буду скрывать – мне нравилось. Запах смазки. Горьковато-терпкий дым от пороховых газов. Бьющая в плечо сумасшедшая отдача. Все это словно вырывало тебя из той несколько искусственной обстановки «игры в армию», в которой ты пребывал, находясь в этих краткосрочных лагерях. Разрывающий воздух, лающий звук автоматной очереди моментально приводил тебя к осознанию того, что ты действительно, хоть и на короткий срок, в

реальной армейской среде. «You are in the army now!..». Стрельба из «Калашникова» была элементом приключения, а что может быть лучше приключения для здорового 20 летнего лба, которого на месяц выдержали из привычной московской рутины.

А главное приключение произошло в начале июля 1976 года, в день принятия военной присяги. День был торжественный, главный день нашего пребывания в лагерях, ради которого, собственно, все это и делалось. К большинству студентов в этот день приехали друзья и родственники: Папы, мамы, невесты, подруги... Территория перед палатками была плотно заставлена черными «Волгами», попадались и иномарки, что для пуританских 70-х было неким вызовом для офицерского состава затерянной в глубинке воинской части, смущало и даже раздражало.

Ко мне не приехал никто (да и машины в нашей семье в те годы не было). После торжественной клятвы и «торжественного» по случаю обеда в скромной воинской столовой мы вместе с несколькими такими же «одинокими» новоиспеченными бойцами стали бродить по территории лагеря пока, в конце концов не оказались на берегу Волги.

Река в том месте вполне себе не широкая, метров 150-200. Естественно, мысль переплыть ее и тем самым как-то отметить произошедшее важное событие – принятие присяги – не могла не прийти мне в голову. Расслабленно усевшись на бережку и покуривая, мы с коллегой (стыдно, но никак не могу вспомнить его имени, по моему, это был парень с МО), заметили на противоположном берегу некое движение: группа, видимо, недавно прибывших туристов устанавливала палатку, слышался стук топорика, раздавались девичьи голоса. Не потребовалось много времени, чтобы сагитировать коллегу плыть вместе на тот берег – вдвоем и веселей и безопасней.

Но была одна проблема, небольшая, но все же. Каждый из нас вполне отдавал себе отчет, что отправляясь в этот несанкционированный «заплыв», мы нарушаем все уставные правила, как бы уходим в «самоволку». В то же время мы понимали, что в столь суетный день, когда наши начальники все задействованы на прием уважаемых гостей (среди родственников студентов-«салажат» были армейские генералы, дипломатические и внешторговые генералы и всякие другие начальники) никому до нас не будет дела и специально разыскивать никто нас не станет. Лучшего времени, чтобы совершить стихийную вылазку (в данном случае – заплыв) было не найти. Однако следов этой вылазки, этого легкого нарушения воинской, пусть и не по-настоящему воинской,

дисциплины остаться было не должно. Мы не могли себе позволить вернуться в лагерь в мокрой, даже если в отдельных местах, форме.

Поэтому, не долго думая, скинули с себя все обмундирование и, оставшись в чем мать родила, нырнули в воду.

Плаваю я в общем-то неплохо. До сих пор. В своей деревне в Тульской области часто переплывал Оку, а она в тех местах примерно такая же в ширину, как и Волга под Калининым (нынешней Тверью). Противоположного берега мы достигли достаточно быстро. Бросили свои тела на песчаный бережок, отдышались... но что делать дальше абсолютно не знали. Ходить нагишом по близлежащим кустам было как-то глупо. Пугать обустроивающихся недалеко туристов своим видом тоже неловко. Но поскольку один барьер был уже преодолен, реку же мы переплыли, чувство одержанной маленькой победы переполняло нас. Небыстро и достаточно несмело, но все же мы двинулись по берегу, причем именно в направлении раздававшихся голосов. Шли мы недолго, от силы пару минут, когда на нас из-за кустов выбежало существо женского пола. Оно ошарашено застыло, как будто бы даже полуприсев. В следующее мгновение раздался оглушительный визг, а следом – приближающийся топот множества ног.

Но чьи это были ноги и сколько же их было нам узнать не довелось. Через секунду мы уже были в воде и отчаянно гребли в сторону «родного» берега. Ни разу не обернулись... Доплыв, еще долго сидели на песке, сохли, курили, обсуждая последнее события. Форма наша была абсолютно сухой и никаких следов нашего маленького нарушения порядка не наблюдалось. Мы вечером спокойно вернулись в свои палатки, к вящему удовольствию начальства, что столь сложный и ответственный день, день принятия присяги прошел без происшествий, важные гости разъехались и можно немного расслабиться. Кстати, тогда я был молодой и не понимал этих майоров и капитанов, несущих ответственность за несколько сот избалованных городских мальчиков. Теперь же я люблю, когда все дома и все спят.

В сентябре 1976 года на одной из первых лекций (учились мы тогда в здании на Калошином переулке), я получил присланную с первых рядов фотографию, изображавшую меня в том самом виде на нашем, правильном бережку. Оказывается Саша Осипенко, который тоже был в то время в нашей компании, щелкнул меня, типа «скрытой камерой», и счел свои долгом передать мне фотографию, пустив ее через все ряды.

Спасибо, Саша. Фото это до сих пор хранится у меня. Она мне нравится, как нравится и то время и все то, что в то время с нами происходило.

Прелесть четвертая

В карауле

Из месячного пребывания в военных лагерях отчетливо запомнился еще один эпизод. Как известно, при всех воинских частях есть склады, на которых обязательно что-нибудь храниться, в основном, наверное, военное имущество, но, допускаю, что не только. Не исключением была и та Н-ская воинская часть, к которой мы оказались прикомандированы. Где-то в середине срока (сейчас уже не припомню до или после присяги это было) выпал и мой черед идти в дозор.

Перед этой ответственной вахтой нас, салажат, умело проинструктировал опытный ефрейтор. На всю жизнь запомнил главный вывод того инструктажа: если потенциальный нарушитель не останавливается на окрик «стой», первый выстрел, предупредительный – в воздух, второй – непосредственно в него. Думаю, что эта четкая двухходовка прочно засела не только в моей голове.

В караул мне надлежало заступать ночью и нести его аж до самого утра. И вот вечером нас всех, кому выпала эта честь, сразу после инструктажа, развезли по объектам. Мне досталось охранять длинное окрашенное в зеленый цвет помещение без окон и с единственным входом, у дверей которого меня и высадили. Процесс смены караула сопровождался определенными словами типа: «Такой-сякой пост сдал, а такой-сякой пост принял». Отстоявшего вахту и заметно подуставшего караульного из наших же лагерных рядов быстро увезли, и я остался один на один с таинственными дверями, закрытыми на металлический засов с внушительным замком.

Следует отметить, что склад представлял собой вытянутый метров на 50-60 ангар, стоящий не просто на земле, а на некоем бетонном возвышении типа дебаркадера, чтоб погрузочная площадка была на уровне кузова военного грузовика.

Первые полтора-два часа я достаточно бодро прогуливался вдоль охраняемых дверей, туда и обратно, но затем вдруг пошел дождь, да такой сильный, что ходить под ним и мокнуть не было ни смысла, ни желания, и пришлось спрятаться под козырьком, нависавшим над складскими

дверями. Какое-то время, сидя на корточках, я еще вглядывался в мокрую темноту, но вскоре монотонные звуки дождя, сморили молодой организм и я, увы-увы, стыдно признаться, но это так, я уснул.

Разбудил меня топот солдатских сапог. Открыв глаза, увидел буквально следующую картину. Двери склада, который я был призван охранять, были распахнуты настежь. Перед ними, вплотную, к дебаркадеру, стояла машина, в кузов которой несколько бойцов грузили какие-то кипы, обвернутые темной материей. Тут же стоял офицер, внимательно наблюдавший за происходящим процессом, периодически отдавая вполголоса указания. Офицер, услышав мои движения, обернулся и абсолютно спокойно, без всякого гнева посмотрел на меня. Лицо его было совсем не грозным, как надлежало бы ему быть, по общему представлению, в такой момент нарушения всех мысленных и немысленных правил. О, ужас – боец заснул на посту и проспал то, что призван был охранять и не допустить. Напротив, лицо его было удивительно доброжелательным, даже в какой-то мере сочувствующим. Мне даже показалось, что он слегка улыбнулся. «Расслабься, парень, – читалось на его лице, – ничего страшного, дело житейское». Охвативший меня в первые секунды после пробуждения ужас неотвратимого страшного наказания внезапно отступил. Я увидел в этом капитане не «долдона-солдафона», а нормального живого человека, с чувством юмора и адекватного восприятия жизни и составляющих ее бытовых ситуаций.

«Всюду жизнь» – вспомнилась известная картина Ярошенко, где заключенный из-за решеток ссыльного вагона кормит голубей.

Всюду жизнь была и есть. И в институте, и за пределами института И в армии и вне армии. И в этих военных лагерях. Всюду были и есть люди и..., как сказать лучше, «разные странные люди». Те, которые только себя видят «сверхцелью» всего сущего, а остальных – инструментами и ресурсами для ее реализации.

И когда я сегодня пытаюсь вспомнить и изложить происходившие с нами сорок лет назад истории, я понимаю, что это истории не о том, какими мы были – плохими или хорошими (мы были и плохими и хорошими), а том, что мы все-таки были, а ведь могли бы и не быть.

Москва

Февраль 2016